

Новоевропейский рационализм и политическое завещание Иммануила Канта

© Ю.Д. Гранин

Институт философии Российской академии наук, Москва, 109240, Россия

Проанализированы основные философские, научные и политические идеи Нового времени и эпохи Просвещения, трактат И. Канта «К вечному миру». Подробно рассмотрены сочинения Уильяма Пенна «Опыт о настоящем и будущем мире в Европе путем создания европейского Конгресса, Парламента или Палаты государств» (1693) и «Проект вечного мира в Европе» французского аббата Шарля Ирины де Сен-Пьера (1713–1717), идеи Ш. Монтескье и Ж.-Ж. Руссо. Показано, что в идейно-политическом отношении трактат Канта был шагом вперед по сравнению с работами его предшественников. Отмечено, что проекты Уильяма Пенна и де Сен-Пьера в значительной мере оказались реализованными в политической практике второй половины XX — начале XXI в., а проект Канта ожидала иная судьба: ни одна из ключевых статей Договора «К вечному миру» до сих пор не воплощена в жизнь. Доказано, что сегодня в условиях эскалации гонки вооружений и роста военных конфликтов трактат Канта остается актуальным. Его следует рассматривать как политическое завещание великого философа современным политикам и государственным деятелям.

Ключевые слова: война, государство, идеология, мир, просвещение, разум, рационализм

К 300-летию И. Канта

Обозревая многовековую историю человечества и сравнивая ее с реалиями настоящего времени, можно сделать неутешительные выводы: историки подсчитали, что за 5 тыс. лет более или менее надежно известной истории человечества, лишь около 300 лет оно провело без значительных войн. При этом число войн превысило 14,5 тыс., а погибло в них более 3,5 млрд человек. Сегодня ситуация не изменилась, а скорее ухудшилась.

Как следует из отчета американской группы по мониторингу кризисов Armed Conflict Location & Event Data (ACLED), за последние 5 лет число конфликтов, локальных столкновений и актов насилия в мире удвоилось. По подсчетам организации, в 2024 г. произошло почти 200 тыс. «конфликтных событий», хотя в 2020 г. этот показатель составлял 104 тыс. (+25 % по сравнению с 2023 г.). А по данным Университета мира, в 2024 г. крупномасштабные военные столкновения в разных регионах достигли 56, составив максимум со времен Второй мировой войны. Таким образом, история человечества — в значительной мере история войн, о чем свидетельствуют первые

письменные источники древних шумеров, а также историческая антропология, данные которой убедительно доказывают, что выживание, распространение и доминирование сообществ *Homo sapiens* на Земле во многом было связано с ростом созданных ими производственных и боевых технологий. Человек — самый агрессивный и самый вооруженный биологический вид, регулярно воюющий с себе подобными за территории и сосредоточенные на них ресурсы (в том числе человеческие). Почему в условиях постоянного роста производственных и боевых технологий, разрушительные возможности которых уже в первые тысячелетия эволюции человечества в десятки и сотни раз превосходили возможности других живых существ, люди до сих пор не истребили друг друга и окружающую их природную среду обитания?

Объяснение этого парадокса содержится в гипотезе техногуманитарного баланса А.В. Назаретяна. Одна из ее формулировок гласит: чем больше мощь производственных и боевых технологий, тем более совершенные средства культурной регуляции необходимы для сохранения социума. Это верное наблюдение, акцентирующее внимание на негативных и плохо контролируемых последствиях интеллектуальной деятельности человека. Оно означает: в ходе социальной эволюции выживали и развивались лишь те социумы, которые смогли противопоставить разрушительной силе технологий, постоянно продуцируемых «инструментальным интеллектом» людей, те или иные *культурные противовесы* — ценностно-смысловые предписания, сдерживающие, по сути, бесконечные возможности «инструментального интеллекта». К ним обычно относят моральные и религиозные максимы. Однако наряду с ними в число культурных регуляторов эволюции человечества следует включить мифопоэтические, художественные и собственно когнитивные компоненты культуры: идеи философов, политических мыслителей и ученых, в разные исторические эпохи доказывавших возможность и необходимость всеобщего (вечного) мира между народами и государствами.

В списке этих выдающихся умов человечества Иммануил Кант занимает одно из первых мест. Конечно, большинству читателей Кант знаком как великий философ: создатель монументальной философской системы, соединившей гносеологическую, этическую и эстетическую ипостаси его философского творчества. Это выразилось в трех фундаментальных работах «кенигсбергского затворника»: «Критики чистого разума» (1781), «Критики практического разума» (1788) и «Критики способности суждения» (1790). Они широко известны. Но философско-исторические и политические работы Канта часто остаются в тени его философского творчества. А между тем именно в них оно обретает полноту и завершенность. Наиболее значимыми являются «Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане» (1784),

«Ответ на вопрос, что такое просвещение» (1784), «Предполагаемое начало человеческой истории» (1786), «О поговорке “Может быть, это и верно в теории, но не годится для практики”» (1793), «К вечному миру» (1795), «Метафизика нравов» (1797) и «Спор факультетов» (1798).

Самой известной и цитируемой, разумеется, является работа «К вечному миру». Но надо иметь в виду, что и само название публикации, и значительная часть аргументации Канта берут начало еще в трудах античных философов, продолжают в работах христианских мыслителей эпохи Средневековья, выходя на новые интеллектуальные высоты в эпоху Возрождения и Нового времени.

Считается, что автором идеи «вечного мира» является знаменитый герцог Максимилиан Сюлли (1559–1641), министр Генриха IV. В 1634 г. в одном из последних томов своих мемуаров он разработал план создания «христианской республики» — конфедерации христианских народов Европы. Но этот план не преследовал цели установления всеобщего мира, а представлял собой проект создания военно-политического союза западноевропейских государств, направленный прежде всего против Турции, которую предполагалось вытеснить с Балканского полуострова. Так что сторонником мира Сюлли можно назвать с трудом. Но даже если занести его план в список сочинений пацифистов, то там он займет далеко не первое место в ряду философски и политически аргументированных сочинений. К числу таких сочинений можно отнести работу голландского ученого-гуманиста Эразма Роттердамского (1469–1536) «Жалоба мира», труды выдающегося педагога Яна Амоса Коменского (1592–1670) и его работу «Ангел мира» (1667), посвященную участникам международной конференции в Бреде об условиях мирного договора между Англией и Голландией, где он предлагал правительствам Европы «запретить оружие» и призывал их к прекращению взаимной вражды, к решению спорных вопросов государств на основе доброй воли, к установлению прочного мира среди «христианских народов»; сочинение выдающегося пацифиста и проповедника Уильяма Пенна (1644–1718) «Опыт о настоящем и будущем мире в Европе путем создания европейского Конгресса, Парламента или Палаты государств» и, разумеется, трехтомный «Проект вечного мира в Европе» французского аббата Шарля Ирины де Сен-Пьера (1658–1743), написанный в 1713–1717 гг.

Более подробно эти и некоторые другие работы мыслителей Нового времени будут рассмотрены далее, а также будет показана их значимость для настоящего времени. А здесь следует подчеркнуть одно обстоятельство. Как все великие философы-просветители, Иммануил Кант был сыном своего века — «Века Просвещения и Разума», разделяя его великие интеллектуальные прозрения и не менее

великие заблуждения, его мечты и ошибки. Каковы специфические особенности этого исторического периода?

Век Разума и Просвещения. Когда применительно к европейской истории пишут о «веке Разума», то, как правило, имеют в виду не какое-то особое столетие (XVIII в.), а так называемое Новое время — исторический период, не имеющий четких хронологических границ, далеко выходящий за пределы эпохи Просвещения промежуток времени.

В экономическом аспекте Новое время хронологически совпадает с движением капитализма от доиндустриальной (мануфактурной) к индустриальной фазе развития (XVII — первая треть XIX в.), а в политическом — с переходом государств Западной Европы от феодальной организации к абсолютистской форме правления и затем к суверенным национальным правовым государствам. Этот переход был осуществлен в череде европейских социальных революций (Нидерланды, Англия, Франция), базовой предпосылкой которых было развитие нового, капиталистического способа производства с сопутствующим ему ростом городов, внутрискановой, региональной и межконтинентальной торговли, миграции, ростом социальной мобильности населения и появлением новых социальных групп. Помимо этого, данный переход был ознаменован революционными изменениями в сфере научной мысли и осуществлен под влиянием европейского рационализма — мировоззрения, под определяющим воздействием которого, в свою очередь, происходило формирование естественных наук и социальных учений Нового времени.

Его специфической чертой был (впоследствии разрушенный) *философский сциентизм: убежденность в рациональном устройстве природы и общества* и, соответственно, всеисильности человеческого Разума — *познаваемости Мира с помощью не только чувственно-практического опыта, но и умозрения*. «Все действительное разумно, все разумное действительно» — эта интенция (позже концептуализированная Гегелем) стимулировала интеллектуалов того времени к поиску рациональных моделей общественного устройства вплоть до середины XIX в. При этом бурное развитие и колоссальные успехи естественных наук в XVII–XVIII столетиях (прежде всего математики, физики и механики) провоцируют интеллектуалов того времени на понимание истории человечества и социального развития как подчиненных законам естественного характера, что, в частности, создавало возможность использования математического анализа в сфере изучения социальной и экономической жизни.

Эти же методы используются в современном социальном познании. Однако принципиальное отличие современной постнеклассической науки от классической науки XVII–XVIII столетий заключалось в ином составе ее основоположений, главенствующими из которых были философские максимы, полученные путем умозрения. Таким

образом, научная картина мира того времени представляла собой причудливое сочетание науки и метафизики (философии) при доминирующей роли последней. С течением времени «удельный вес» этого сочетания в практике государственного управления социальной реальностью менялся отнюдь не в пользу философии: *рационализация государства чем дальше, тем больше двигалась в сторону «сциентизации» познания и управления обществом.*

Этому, в частности, способствовало появление первых версий «политической экономии», акцентировавшей внимание на ведущей роли государства в экономической жизни европейских стран, и «политической арифметики». Они знаменовали собой переход от простого описания общественных явлений к наблюдению их порядка и последовательности, а затем — к теоретическим обобщениям посредством разного рода «таблиц». Наиболее известна «Экономическая таблица» Франсуа Кенэ, последователей которого называют физиократами¹. Они использовали составленные числовые и табличные выражения социальных, прежде всего экономических явлений для прогнозирования возможных последствий общественного развития и предвидения еще неизвестных общественных фактов. Так что уже в XVIII столетии под влиянием «политической арифметики» и «политической экономии» *пересборка «социального» проводилась государством рациональным образом:* путем классификации, категоризации и систематизации населения, подобным систематизациям и классификациям минералов и живых существ в минералогии и биологии. «Ботанические сады и зоопарки, — отмечает Сокулер, — превращались в материальные пространственные классификации живых существ. Наблюдение, контроль и регулирование обращения денег и товаров осуществлялись с помощью построения экономических таблиц. Военный лагерь становился таблицей видов и родов вооруженных сил, находящихся в этом лагере. Пространство госпиталя отражало систематическую классификацию болезней. Таблицы и размещения были средствами и наблюдения-контроля, и изучения. Таблицы в XVIII в. были одновременно техникой власти и процедурой познания» [1, с. 15].

Данный феномен Мишель Фуко в своих работах называл и «волей к знанию» (в первом томе своей «Истории сексуальности»), и «властью — знанием». Но так или иначе повсеместное и расширяющееся

¹ Вопреки расхожему мнению о том, что богатство осязаемо, поскольку составляется из золота и серебра, Кенэ, будучи придворным врачом, настаивал: богатство создается в процессе производства и течет по экономике, словно приводящая общественный организм в движение кровь, текущая от одной руки к другой. На современников «Экономическая таблица» произвела сильное впечатление: ее расценили как изобретение одного ранга с письмом и деньгами. В ней во главу угла ставился принцип *laissez-faire*, и одним этим она радикально отличалась от всех остальных теорий. Но в «Экономической таблице» упускался из виду тот факт, что труд производил богатство везде, а не только на земле.

использование научного знания сначала абсолютистским, а затем и правовым демократическим государством было обусловлено объективными причинами: обострением экономических, социальных и политических проблем в Европе XVI–XVIII столетий, которые пытались решить власти преобладающие, используя «когнитивный капитал» образованных слоев населения, из состава которых постепенно формировалась «протоинтеллигенция»: социальный слой юристов, экономистов, ученых (механиков, математиков, врачей, географов и др.), литераторов и философов. К тому времени их, и чем дальше, тем больше, уже массово готовили европейские университеты, число которых также неуклонно росло.

Возникнув в результате эрозии сословной организации общества, формально (юридически) интеллигенция того времени состояла не только из представителей «третьего сословия», а парадоксальным образом включала в свой состав многочисленных представителей образованного дворянства и даже аристократии². Их самоидентификация и оценка внешнего мира базировались на так называемых общечеловеческих ценностях, представляющих политические, экономические, национальные и иные «рационализированные идеалы» социального бытия. Последнее всегда оценивается и анализируется не только с точки зрения «сущего», но и с позиций «должного». И поскольку разрыв между сущим и должным всегда явен и неустрашим, перманентным состоянием «интеллигентского сознания» является критика существующего и выработка политических, экономических, национальных и других программ и проектов общественного переустройства. Можно отметить, что в эпохи позднего феодализма и раннего Нового времени протоинтеллигенция персонифицирует собой критико-рефлексивный потенциал общества, его функциональную и критическую рациональность, во многом обусловившую и предопределившую пути дальнейшего экономического и социально-политического развития западноевропейских стран [2]. Начиная с XVI в. характерной чертой такого рационального понимания социальной жизни было представление о государстве *«как едином рационально устроенном механизме, обслуживаемом лояльными и квалифицированными чиновниками. Абстрактная идея “государства” внедрялась в умы подданных и правителей, формировалось представление о чиновнике как служащем этому государству — не из вассального подчинения сюзерену и не ради корыстного злоупотребления должностью (“кормления”), а с целью внести вклад в общественное благо»* [3, с. 329]. На этой идейной основе из числа интеллигенции того времени формировался слой «просвещенной бюрократии». Поэтому, когда

² Вольтер, Монтескье, Кондильяк, Дидро, Гольбах, Гельвеций, Ламетри, Руссо и десятки других дворянских имен составили цвет Просвещения.

монархия лишилась реальной власти или была смещена, именно данный слой унаследовал традиции и концепции накопленного веками искусства рационального управления государством, а также государственную машину для осуществления политики камерализма не только в своих интересах, но и для решения многих социальных и политических проблем и противоречий, которые раздирали Западную Европу.

К числу наиболее острых социально-экономических вопросов относились массовая безработица и пауперизация крестьянства, растущая бедность и обнищание значительной части населения западноевропейских стран вследствие периодических экономических кризисов, сопровождавших становление и развитие капитализма в Европе. До сих пор бытует мнение, что возникновение капитализма способствовало росту благосостояния трудящихся. Но это не так. Становление капитализма в западноевропейских странах не только не поднимало уровень и качество жизни подавляющего большинства населения, но, наоборот, сопровождалось ростом нищеты и массовой безработицы по всей Европе. Вот лишь несколько из многих примеров.

Уже в конце XVI в., — эпохи постоянного расширения английского могущества, — английская королева Елизавета после триумфального путешествия по своим владениям с удивлением и разочарованием воскликнула: «Повсюду нищие!» Ибо на смену коллективному владению землей свободными английскими йоменами пришла (за счет огораживания общинной земли лендлордами, где раньше каждый мог пасти скот и добывать торф) частная собственность на землю, ставшая для английских крестьян настоящей трагедией. Лишенные права использовать некогда общую землю, они больше не могли зарабатывать на прокорм семьи фермерством. Стать фабричными рабочими им пока также было не суждено — фабрик тогда еще не было. В результате эти люди сформировали самый несчастный и угнетенный из всех классов — аграрный пролетариат, а в тех местностях, где рабочих мест в сельском хозяйстве не хватало, они становились бродягами, попрошайками и ворами. Потрясенные повсеместным распространением нищеты Елизавета и английский парламент приняли законодательные меры: в 1601 г. был принят Закон о бедных. Он был рассчитан на оседлых бедняков, временно лишившихся работы, — предполагалось, что страх бедности заставит людей работать. Однако это не решило проблему пауперизма: количество профессиональных бедных и бродяг не уменьшилось. Поэтому в 1607 г. в каждом графстве был создан Исправительный дом, но это лишь локализовало проблему. Хотя церковным приходам было вменено в обязанность выплачивать беднякам скудные пособия, а в отношении бродяг предписывалось применять телесные наказания

и клеймения, это не помогало. Тогда бедных было предписано «отправлять в изгнание и препровождать под конвоем во вновь открытые земли в Восточной и Западной Индиях». Хайлбронер отмечает, что при Кромвеле проблема все еще не решена: лорд-мэр сетует на «весь тот сброд, что стекается в город, нарушает общественный порядок, осаждают кареты и громогласно требует подаяния у церковных врат и у дверей частных домов» [4, с. 37].

И то же самое происходит в Германии, Нидерландах, Франции. Так, парижские нищие подлежат публичной порке на площади; затем им выжигают клеймо на плече, обривают голову и изгоняют из города. А чтобы они не вернулись назад, ордонанс 1607 г. предписывает «размещать у городских ворот отряды лучников, чтобы они не пускали в город голытьбу». И везде, как показал Мишель Фуко, *церковь и камералистское государство используют дисциплинарные методы власти — «изоляцию» бедности*. По всей Западной Европе создаются «госпитали» и «работные дома», в которые насильно помещают душевнобольных, бродяг, бездомных и нищих, заставляя их работать по строго регламентированным планам.

Свою роль в деле социальной регламентации, профилактики и «изоляции бедности» сыграла так называемая протестантская этика, в пределах которой произошла реинтерпретация милосердия: если в католицизме призрение нищих — «людей Божьих» — богоугодно, то протестантизм видит милосердие в предоставлении возможности обучиться ремеслу и работать. Уже со времен Лютера и Кальвина бедность и нищета несли на себе печать вечного проклятия и кары. А теперь, отмечает Фуко, «в мире государственного милосердия» нищета «превратится в попустительство человека к самому себе, в прегрешение, нарушающее размеренный ход государственного механизма. Из сферы религиозного опыта, ее освящавшего, она соскальзывает в область моральных категорий, где подлежит осуждению. В конечной точке этой эволюции и возникают крупные изоляторы и смирительные дома — безусловно, как результат обмирщения милосердия, но и, подспудно, как нравственное возмездие нищете» [5, с. 75].

Неслучайно во многих протестантских странах с XVI в. действовало жесткое законодательство против бродяг, нормы которого в ряде случаев экстраполировались на представителей «второго сословия» — разорившихся и праздношатающихся отпрысков дворянских родов также помещали в «работные дома». Государство чем дальше, тем больше для решения социальных проблем создавало зоны изоляции и дисциплинарные пространства, постепенно охватывающие многие социальные институты: армию, школу, медицинские учреждения, мануфактуры, пенитенциарные учреждения и работные дома. Эта практика, повторим, основывалась на *переоценке возможностей разумного переустройства социального мира посредством рационально*

устроенной государственной власти и убежденности в возможности проектирования истории на основе **свободно** избранных представлений о желаемом будущем.

Идея «свободы», «свободной человеческой деятельности», как верно отмечают исследователи, является «общим местом» в сочинениях мыслителей эпохи Просвещения XVIII столетия (Вольтера, Дидро, Руссо) и «своеобразным замковым камнем», скрепляющим во едино кантовскую философско-историческую конструкцию, в пространстве которой история предстает как последовательное обретение человеком все больших степеней свободы в моральном, правовом и политическом аспектах. Будучи разумными, вменяемыми и моральными существами, люди сами творят свое будущее, которое может быть построено на основе принципов Разума, Добра и Красоты. Однако из этой (деятельностно-конструктивистской) онтологии истории не следует вывод о том, что люди способны конструировать социальную реальность, исходя из **любых** **свободно** **избранных** представлений о должном устройстве общества. Эта свобода ограничена, с одной стороны, научно и культурно обусловленным, конкретно-историческим составом и степенью истинности имеющегося «знания» о социальной действительности и доминирующих в обществе ценностных предпочтениях, а с другой — естественно-историческим характером осуществления антропоистории. Последнее обстоятельство является принципиальным.

Проектные возможности персонального сознания, его способность влиять на индивидуальный образ жизни не вызывают сомнений. Иное дело — *способность* научных, правовых, моральных и иных *доктрин*, получивших массовое распространение в элитах и массах, *влиять на ход общественной жизни, изменяя надындивидуальные реалии человеческого существования*. Здесь можно отметить кардинальное различие между огромной способностью людей проектировать *объектную среду* своего существования и их ограниченной способностью создавать и контролировать *социальные условия* собственной жизни, меняя основы и формы человеческого общежития. «Неудивительно, что блестящие достижения научной и инженерной мысли, создавшей эффективную *техносферу* человеческой жизни, контрастируют с провалами в организации *социосферы*, о причинах которых мучительно размышляли и размышляют теоретики» [6, с. 41]. «Почему мы, — спрашивает Э. Гидденс, — живем в вышедшем из-под контроля мире, так отличающемся от того, которого ожидали мыслители Просвещения? Почему всеобщее употребление “милосердного разума” не создало мир, подвластный нашему предсказанию и контролю?» [7, с. 294].

Это произошло (и происходит) не только в силу ограниченности знаний о социальной действительности (недостаточной меры ее познаваемости), но и благодаря объективному характеру формирования

надындивидуальных социальных структур, создающих матрицы социальных взаимодействий между людьми, — общественных отношений, по необходимости имеющих безличный ролевой характер, проявляющихся независимо от воли и желаний индивидов, имеющих собственную логику развития и осознаваемых ими, как показал Маркс, в превращенных формах кажимости. Так возникает реальное противоречие между осознанной «деятельностью» людей и объективно формирующимися «социальными структурами», которые каждое поколение людей застаёт уже готовыми и живет в них. Это противоречие *решается осознанно-практически — путем проб и ошибок*. Люди сами творят свое настоящее и будущее, в том числе на основе представлений о должном состоянии человеческого общежития. Но последствия их коллективных деяний (в силу невозможности «знать» весь объем социальных, перманентно изменяющихся связей и тем более «волений» составляющих общество индивидов, принимающих решения во многом спонтанно и интуитивно) оказываются совсем не теми, на которые рассчитывали строители будущего («справедливого», «свободного», «демократического») общества. Поэтому одного знания о справедливом нравственном и свободном устройстве общественной жизни, о котором мечтали просветители и которым полагали необходимым осветить (через систему образования) умы властителей и их подданных, оказывалось недостаточным.

Требовалась еще система перевоспитания современников. И здесь ведущая роль отводилась основанному на принципах общественного мнения новому парламентскому государству. «Всевидящее око» общественного мнения и построенное в соответствии с ним государство, от взгляда которого не должно ускользнуть девиантное поведение никого из его граждан, казались главными средствами достижения рационально управляемого общественного устройства. Концентрированным выражением этой мировоззренческой установки (позиции) стал изданный в 1787 г. технократический проект одного из теоретиков политического либерализма и родоначальника английского утилитаризма Иеремия Бентама³.

Руководствуясь заботой об общественном благе, юрист Бентам изобрел тюрьму нового типа, основанную на принципе «видеть все» — Паноптикон (от др.-греч. *πᾶν* «все» + *ὀπτικός* «зрительный»). Он вывернул наизнанку принцип темницы, выведя заключенных на свет из тьмы казематов. Все камеры кольцеобразной тюрьмы были освещены так, что просматривались из центральной башни, в которой сидит

³ Этот проект был изложен Бентамом в труде «Паноптикон, или Инспекционное учреждение: описание идеи нового принципа строительства, применимого к предназначенным для содержания под надзором любых категорий граждан учреждениям любого типа». Сочинение представляет собой серию писем, отправленных выпускником линкольновского университета господином Иеремией Бентамом своему другу в Англию из города Кричев в 1787 г.

один надзиратель, от взгляда которого не должны были ускользнуть ни заключенные, ни охранники. Здесь важен был сам принцип всевидящего ока, который, по мысли Бентама, гарантировал не только утрату возможностей творить зло, но и «почти полную утрату мысли желать его». И это было не только удобно, но и экономически и политически выгодно, так как принцип Паноптикона предлагалось использовать и для строительства новых пенитенциарных учреждений, и для промышленных мануфактур и работных домов. Спустя несколько лет после написания «Паноптикона», в 1794 г., Бентам составил план широкого привлечения неимущих для обслуживания дерево- и металлообрабатывающих машин, придуманных его братом Сэмюэлем. К. Поланьи, назвавший Бентама самым плодовитым из социальных прожектеров, написал: «Бентаму и его брату, организовавшим общее дело, нужен был паровой двигатель. И вот им пришлось в голову использовать вместо пара заключенных» [8, с. 122]. А затем и бедных, размещенных в работных домах. Таких работных домов, спроектированных по типу Паноптикона и общей численностью не менее полумиллиона человек, предполагалось построить около 250 по всей Южной Англии. И этот же принцип организации предлагалось использовать для строительства домов призрения, лазаретов, фабрик, больниц, домов умалишенных, учебных заведений, где «каждый товарищ становится наблюдающим».

Фактически это была тоталитарная утопия. Неслучайно М. Фуко в работе «Надзирать и наказывать» и позже называл Бентама «дополнением к Руссо», Паноптикон — «Оком власти», а самого великого моралиста — «Фурье полицейского государства». Однако идеи Фуко опирались на дискурс французских философов-просветителей — так называемых идеологов (Кабаниса, Антуана Дестюта де Траси, Вольнэ и др.), которые стали основателями учения об «идеологии» как науки о всеобщих и неизменных законах образования идей. В своих исследованиях формирования общих идей и связей между ними они, с одной стороны, опирались на работы предшествующих французских материалистов, считавших мысли продуктом человеческого мозга, а с другой — отводили важное место анализу языка, грамматике и логике. В сущности, этот дискурс давал своего рода общий рецепт управления людьми посредством невидимого им — идеологического — контроля власти над страстями и мыслями сограждан. Вот хорошая иллюстрация этой мысли, изложенная в 1767 г. французским прокурором, а затем публицистом Ж.М.А. Серваном: «Сформировав в сознании граждан цепочку мыслей, вы сможете гордиться тем, что исполняете роль их вождей и хозяев. Глупый деспот приковывает рабов железными цепями; истинный политик связывает их еще крепче цепью их собственных мыслей; первое ее звено он закрепляет в надежной точке —

в разуме. Связь эта тем крепче, что мы не знаем, чем она держится, и считаем ее делом собственных рук. Отчаяние и время разъедают скрепы из железа и стали, но бессильны против привычного соединения мыслей, разве лишь укрепляя его. На мягких волокнах мозга возводится прочный фундамент мощнейших империй» [9, с. 67].

Практическое воплощение данной идеи произошло в тоталитарных государствах XX столетия, в XVIII в. она не была осуществлена. XVIII в. завершился Великой Французской революцией, начало которой было ознаменовано апофеозом и легитимизацией Разума в общественной жизни. И сделано это было в неслыханной и неожиданной для многих форме массовой театрализации слома многовековой цивилизационной европейской парадигмы. Вот как это происходило.

24 ноября 1793 г. случилось потрясающее событие: коммуна Парижа, находившаяся тогда во власти «левых якобинцев», издала Декрет о запрете католического богослужения и ввела новый революционный культ — Культ Разума (*Culte de la Raison*), в котором предлагались замена религии — философией (!), фактический выход революционной Франции из пространства христианской Европы и начало новой эры с собственным летоисчислением (5 октября 1793 г. григорианский календарь был заменен «республиканским»).

Надо заметить, что Париж в этом отношении был не оригинален. Первые опыты введения Культа Разума имели место во французской провинции. Одним из первых их организовал в нескольких департаментах якобинский комиссар, назвавший себя профессором философии и атеистом, небезызвестный Жозеф Фуше, впоследствии ставший начальником тайной полиции при Баррасе, а затем и при Наполеоне Бонапарте. Его примеру последовали и другие. Церемонии Культа Разума сопровождались карнавалами, парадами, принуждением священников отречься от сана, разграблением церквей, уничтожением икон и статуй святых. На этом фоне шли действия почитания «мучеников Революции».

«Своего апогея новый культ достиг в Париже во время проведения “Фестиваля свободы” (*Fête de la Liberté*) 10 ноября (20 Брюмера) 1793 г. — Соборе Парижской Богоматери в украшенном по случаю революционной символикой и огромным транспарантом с надписью: “*Philosophie*”. В ходе торжеств, срежиссированных прокурором-синдиком Парижской Коммуны Пьером-Гаспаром Шометтом (новое революционное имя — Анаксагор), юная артистка Оперы *m-lle Obri* короновалась как Богиня Разума...

Революционный фестиваль в столичном Нотр-Дам был затем многократно тиражирован по всей стране — с показательными покаяниями католических священников, публичными казнями упорствующих и т. п. Известно, что массовый террор, сопровождавший

насаждение Культа Разума и с воодушевлением поддержанный городскими низами (санкюлотами), вызвал неприятие более зажиточной части общества. В целях “укрепления революции” новый диктатор Максимилиан Робеспьер при опоре на взявшую верх партию монтаньяров показательно гильотинировал крайних левых (март 1794 г.) и официально заменил Культ Разума более умеренным, квази-религиозным Культом Верховного Существа (Culte de l'Être suprême).

7 мая 1794 г. Национальный конвент принял декларацию, согласно которой французский народ “признавал существование Верховного Существа и бессмертие души”. Новое грандиозное празднование на парижском Марсовом поле (8 июня 1794 г.) стало очередным примером для провинции. После ареста и казни Робеспьера (28 июля 1794 г.) Культ Верховного Существа быстро сошел на нет, и католическая доминанта французского варианта христианской цивилизации вновь возобладавала» [10, с. 23, 24].

Известно, что И. Кант скептически относился к «театрализации» Разума. Кроме того, будучи верующим человеком, моралистом и гуманистом, он не являлся сторонником радикальных идей и тем более практики Французской Революции. Хотя в области политической философии в целом поддерживал либеральную традицию, связанную с именами Ш.Л. Монтескье, Вольтера и Ж.-Ж. Руссо. Но вместе с тем не разделял их скепсис в отношении возможности заключения всеобщего мира между европейскими державами, которую теоретически обосновывали Уильям Пенн (1644–1718) и аббат де Сен-Пьер (1658–1743). Эти мыслители заслуживают того, чтобы внимательно отнестись к их идеям.

Европейские войны и трактаты о вечном мире. Начиная со второй половины XVI столетия количество войн в Европе и за ее пределами стремительно увеличивается. Это связано не только с формированием колониальных «океанских» империй (Испании, Англии, Португалии, Нидерландов), обострением между ними геополитических противоречий в Новом Свете и на европейском субконтиненте, но и с религиозным противостоянием: процессами Реформации и Контрреформации, придавшими перманентным военным конфликтам европейских держав религиозный характер. В XVII–XVIII столетиях произошло как минимум семь крупных и долговременных международных военных конфликтов, в которых приняли участие все значительные европейские государства⁴. Наиболее долгой и разрушительной была длившаяся с 1618 по 1648 г. Тридцатилетняя

⁴ Тридцатилетняя война (1618–1648), Северная война (1700–1721), Война за испанское наследство (1701–1714), Война за польское наследство (1733–1735), Война за австрийское наследство (1740–1748), Семилетняя война (1756–1763).

война. Тогда в результате сражений, голода и болезней в Центральной Европе погибло, по разным оценкам, от 4,5 до 8 млн солдат и мирных жителей, а в некоторых частях современной Германии население сократилось более чем на 50 %. Во многом это было связано с усовершенствованием оружия, созданием массовых регулярных армий и военных коалиций, профессионализацией войны. Происходит рождение армии нового типа, отличающейся беспрецедентной дисциплиной. «Солдат, — напишет М. Фуко, — стал чем-то, что можно изготовить. Из бесформенной массы, непригодной плоти можно сделать требуемую машину» [9, с. 198]. В руках государства концентрируется не только военная сила. Оно устанавливает монопольное право на войну (*jus ad bellum*). Так, помимо уже отмеченного упорядочения и рационализации мирной жизни государством, происходит рационализация пространства войны.

Это выразилось в военной реформе нидерландского штатгальтера, принца Мориса Оранского (1585–1625), который, систематизировав историю войн Римской империи и введя новые дисциплинарные и технические стандарты, создает первую в Европе профессиональную армию, одержавшую в начале XVII в. впечатляющие победы. В дальнейшем его опыт рационализации войны был заимствован и расширен шведским полководцем и королем Густавом II Адольфом Великим (1594–1632) и Оливером Кромвелем, а в XVIII в. — знаменитым прусским королем Фридрихом II, сделавшим свою армию образцом для Европы [11]. Но одновременно с рационализацией войны, в разы увеличившей степень кровопролития, несущей огромные экономические потери и стимулировавшей иммиграцию в земли Нового Света, рационализируется *антивоенная публицистика*. От утопических сочинений Т. Мора, Т. Кампанеллы «Город солнца» (1602) и И.В. Андреэ «Крепость Христа, или Описание республики Христианополь» (1619) она эволюционирует к научным трактатам, опирающимся на теоретические аргументы.

Одним из самых значительных был трактат сына адмирала английского флота Уильяма Пенна (1644–1718) — квакера-пацифиста и основателя (в качестве «убежища для свободомыслящих европейцев») североамериканской колонии «Пенсильвания» («Лесная страна Пенна») — «Опыт о настоящем и будущем мире в Европе путем создания европейского Конгресса, Парламента или Палаты государств» (1693).

Основная идея У. Пенна — создание всеобщего союза государств, основанного на принципах суверенитета и независимости. Причем этот союз, полагал автор, мог бы включить в себя не только европейские государства, но также Россию и Турцию. Помимо этой идеи Пенн предложил еще одно новшество: создание Европейского парламента, предусмотрев цели, принципы его деятельности, оговорив членство,

бюджет и председательствование. «Основной целью создания подобного парламента должно было стать, во-первых, поддержание всеобщего мира и безопасности, а во-вторых, устранение любых угроз подобному устройству. Предусматривалась даже система штрафов, с помощью которой представители государств-членов принуждались к присутствию на заседании Европейского парламента до разрешения спорных вопросов» [12].

Таким образом, Пенн первым предложил надгосударственный административно-политический механизм предотвращения войн, основанный на принципе равной для всех справедливости в лице беспристрастной законности. Однако его сочинение тогда оказалось не замеченным большинством современников.

Значительно больше в этом смысле повезло трехтомному «Проекту вечного мира в Европе» французского аббата Шарля Ирины де Сен-Пьера (1658–1743), написанному в 1713–1717 гг. В этом сочинении единственным средством для устранения войн уважаемый аббат считает «лишь форму конфедеративного правления, которое, объединяя народы узлами, подобными тем, что сплачивают отдельных индивидов, подчиняет равным образом и тех и других авторитету законов» [13, с. 109]. Возможность и прочность такого рода правления, по его мнению, гарантировались, выражаясь современным языком, цивилизационным единством Европы: общей торговлей, единой (христианской) религией, близостью языков, общим (римским) правом и другими близкими культурными характеристиками европейских народов. То, что Европа в этот период вступила в эпоху формирования европейских наций и национальных государств с характерными для них национальными интересами и суверенитетом, аббат не учитывал. Хотя в одну из пяти статей проекта конфедеративного договора включил гарантию каждому члену конфедерации право на правление в своих государствах, а также их территориальную целостность. В других статьях этого документа устанавливался вечный и нерасторжимый союз между государями, предлагалось назначение их полномочных представителей в постоянный Совет (или конгресс). Каждый из них имел бы свой голос в Совете, также оговаривались порядок, время и способ передачи через равные промежутки времени председательствования и даже доля взносов членов конфедерации для покрытия общих расходов и способ их получения. Предусматривались принятие временных и окончательных решений в виде законов, а также санкции в случае нарушения договора членами конфедерации.

Кроме того, Сен-Пьер предлагал связать всех ее членов «такой тесной взаимной зависимостью, чтобы ни один из них не был в состоянии противостоять всем остальным», и создать «один большой вооруженный союз, всегда готовый упредить тех, кто пожелал бы

разрушить его или оказать ему сопротивление... и способный принудить честолюбцев держаться в рамках общего договора [о конфедерации]» [13, с. 119].

Как отмечали современники, трактат был написан тяжеловесным юридическим языком и произвел бы гораздо большее впечатление, если бы автор не «размахнулся» на три тома, а ограничился несколькими десятками страниц для изложения своих безусловно прогрессивных мыслей. Последние, разумеется, понравились отнюдь не всем, особенно европейским монархам. По мнению язвительного Вольтера, например, «план аббата Сен-Пьера — чистейшая химера, столь же неприемлемая для государей, сколь для слонов и носорогов» [14, с. 113]. И тем не менее в 1761 г. Жан-Жак Руссо переиздал трактат в кратком изложении с сохранением авторской аргументации. Позже, в 1782 г., Руссо публикует работу «Суждение о вечном мире», в которой критикует проект Сен-Пьера, признавая его разумным, но бесполезным сочинением, «ибо зло и злоупотребления, выгодные стольким людям, входят в жизнь сами собой, то же, что полезно обществу, внедряется только силой, так как частные интересы тому почти всегда противостоят» [15, с. 25].

Иммануил Кант был знаком со скептическим отношением Руссо к трактатам о вечном мире. Но, тем не менее, написал собственное сочинение на эту же тему. Возможно, таким образом он хотел предотвратить надвигающуюся общеевропейскую войну между революционной Францией и антифранцузской коалицией монархических европейских держав. Коалиция начала создаваться в 1791 г. И, постепенно расширяясь, к 1795 г. оформилась в мощный военный блок (в составе Великобритании, Пруссии, Австрии, России, Испании, Неаполя, Нидерландов и Тосканы), который, не довольствуясь морской и континентальной экономической блокадой Франции, готов был вторгнуться в пределы молодой Республики. Но было еще одно обстоятельство, заставившее Канта взяться за перо: уже упомянутая в статье практика Французской революции и республиканской Франции, которая шла вразрез с идеалами Просвещения. Французская республика, вопреки ожиданиям многих просветителей, оказалась совсем не миролюбивым государством. И это противоречило тезису Ш. Монтескье о миролюбивом (в отличие от монархий) характере республик. Кант осознавал эту проблему, но не хотел делать из нее те же выводы, что и Эдмунд Берк. Последний уже в 1790 г. утверждал, что во Французской революции, которая считалась воплощением учения просветителей, «что-то пошло не так». И это ставило под вопрос весь проект Просвещения. В этой ситуации трактат Канта «К вечному миру» можно рассматривать как попытку уберечь главные идеи Просвещения о мире, вскользь критикуя некоторые

аспекты французской политики. По мнению автора статьи, Кант не переоценивал роль «знания» в истории, но полагал, что рациональные аргументы в пользу преимуществ всеобщего мира по меньшей мере окажут некоторое влияние на практикующих политиков, которые свысока смотрят на «теоретиков».

Трактат Канта «К вечному миру». Об этом свидетельствует ироническое «Вступление к трактату», где Кант напоминает читателям, что надпись «К вечному миру» можно прочесть на вывеске одного голландского трактирщика, где изображено кладбище и название заведения «К вечному миру», которое можно истолковать как мысль о том, что «вечный мир» возможен только на кладбище⁵.

«К кому же обращена эта надпись? — спрашивает Кант. — Вообще ли к людям или в частности к главам государств, которые никогда не могут пресытиться войной, или, быть может, только к философам, которым снится этот сладкий сон (о вечном мире — прим. авт.)?» [16]. Вопрос остается открытым. Возможно, в споре с «теоретиком в области политики» окажется прав «политик-практик, более осведомленный в действительности принципов, основанных на опыте» и не без оснований подозревающий философов в том, что их идеи нанесут ущерб государству. Однако, продолжает Кант, политик в случае спора с теоретиком должен поступать последовательно и не «усматривать опасности для государства в мнениях теоретика, высказанных им публично и без задней мысли». Более того: «Государственный муж, знающий свет, может не обращать внимания на исход игры, как бы удачны ни были ходы его партнера. Автор хочет надеяться, что эта спасительная оговорка (*clausula salvatoria*) в достаточной мере оградит его от любого злонамеренного истолкования данного сочинения» [16].

Далее идет основной текст трактата, оформленный как типичный для тех времен международный договор: он содержит *шесть предварительных статей, три дефинитивные (окончательные) статьи и два добавления*, в том числе *тайную статью и приложение*. Основой трактата стали наблюдения Канта за современной ему исторической ситуацией, которые так или иначе упоминаются в тексте. Уникальными являются как некоторые отдельные требования статей, так и вся форма систематизации этих требований в форме единого договора. Прокомментируем кратко этот текст, начав с «предварительных статей», которые, по мнению Канта, следует принять немедленно.

⁵ По мнению исследователей, Кант заимствовал это наблюдение у Готфрида Вильгельма Лейбница.

1. *«Ни один мирный договор не должен считаться таковым, если при его заключении тайно сохраняется основание для будущей войны».*

Действительно, иначе это было бы только перемирие, временное прекращение военных действий, а не мир, который, пишет Кант, «означает конец всякой вражды и прибавляет к которому прилагательное вечный есть уже подозрительный плеоназм. Мирный договор уничтожает все имеющиеся причины будущей войны, которые, быть может, в данный момент даже неизвестны самим договаривающимся сторонам или впоследствии могут быть отысканы в архивных документах» [16]. По мнению некоторых исследователей, формулировка этой статьи «отражает озабоченность Канта тем, что недавно заключенный в Базеле в апреле 1795 г. мир между Пруссией и Францией долго не продержится. Это было мудрое наблюдение, и совет диктовался благими намерениями. Но в последующие годы республиканская Франция оказалась намного агрессивней, чем монархии того времени, а французы стремились к контролю над чужими территориями иногда даже с большим рвением, чем феодальные властители» [17, с. 37].

2. *«Ни одно самостоятельное государство (большое или малое — это безразлично) не должно быть приобретено другим государством ни по наследству, ни в обмен, ни куплей, ни в виде дара».* Иными словами — государства, интерпретируемые в контексте международного права как суверенные образования народов, не продаются, не покупаются, не наследуются и не могут быть «подарены» другому государству. Потому что «государство (в отличие, скажем, от земли, на которой оно находится) не есть имущество (patrimonium). Государство — это сообщество людей, повелевать и распоряжаться которыми не должен никто, кроме него самого». В этом качестве оно представляет собой «моральное лицо», уничтожение и превращение морального лица в вещь «противоречило бы идее первоначального договора, без которой нельзя мыслить никакое право на управление народом» [16].

Таким образом, Кант, вслед за аббатом де Сен-Пьером, выступает против весьма распространенной в XVII–XVIII столетиях практики произвольного раздела территорий крупных и мелких государственных образований в результате войн за чье-либо наследство. В данном случае, очевидно, Кант имел в виду разделы территории польско-литовского государства (Речи Посполитой) между Пруссией, Австрией и Россией 1772, 1793 и 1795 гг., а также, возможно, Базельский мирный договор, согласно которому Франция получила всю левобережную территорию Рейна, не спросив мнения коренного населения этой области.

3. *«Постоянные армии (miles perpetuus) должны со временем полностью исчезнуть».* И Кант объясняет почему. Его объяснение может быть интерпретировано как первая формулировка проблемы, которая сегодня называется дилеммой безопасности. Гонка за безопасностью, увеличение и перевооружение государством своих вооруженных сил неизбежно будут восприняты соседями как возрастание угрозы, на которую они не смогут не откликнуться. А это неизбежно приведет сначала к эскалации гонки вооружений, которая, в свою очередь, станет соблазном для их применения. Иными словами — меры одного государства по обеспечению собственной безопасности воспринимаются другим как угрозы: если ружье заряжено, оно когда-нибудь непременно выстрелит.

4. *«Государственные долги не должны использоваться для внешнеполитических дел».* А только для внутрихозяйственных нужд, поскольку использование займов для реализации внешней политики, как правило, приводит к раздуванию военных расходов. А это ведет к эскалации в области вооружений: срабатывает дилемма безопасности. Это была действительно новая идея. В Великобритании и других европейских странах стало нормой финансировать войны путем выпуска займов. Чем дольше длились войны, тем больше росли долги и тем сильнее великие державы стремились к тому, чтобы с целью погашения долгов аннексировать меньшие страны, а это приводило к новой войне.

5. *«Ни одно государство не должно насильственно вмешиваться в политическое устройство и правление других государств».* Эта статья фактически повторяла требование трактата Сен-Пьера и содержала критику политики республиканской Франции. «В то время, когда Национальное собрание Франции открыто призывало к свержению правительств других стран — будь то с помощью революции или с помощью интервенции, — это требование было смелым заявлением, которое разделялось не всеми современниками Канта. Но в последующие годы оно осталось без внимания. Во время правления Наполеона в континентальной Европе был только один центр власти, и он вмешивался в дела каждой отдельной взятой страны» [17, с. 38].

6. *«Ни одно государство во время войны с другим не должно прибегать к таким враждебным действиям, которые сделали бы невозможным взаимное доверие в будущем состоянии мира, как, например, засылка убийц из-за угла (percussores), отравителей (venefici), нарушение условий капитуляции, подстрекательство к измене (perduellio) в государстве неприятеля и т. д.»* [16].

По мнению Канта, это «бесчестные военные хитрости». Ведь даже во время войны должно оставаться хоть какое-нибудь доверие

к образу мыслей врага. Потому что иначе нельзя заключить мир и враждебные действия превратятся в истребительную войну (*bellum infernecinum*). А «истребительная война, в которой могут быть уничтожены обе стороны, а вместе с ними и всякое право, привела бы к вечному миру лишь на гигантском кладбище человечества. Следовательно, подобная война, а стало быть, и применение средств, ведущих к ней, должны быть безусловно запрещены» [16].

Таковы предварительные статьи, которые Кант считал вполне реальным заключить сразу: особенно первую, пятую и шестую. С остальными (упразднением постоянных армий, вмешательством в дела других государств и использованием долгов) можно было подождать, так как их немедленное введение ослабило бы многие государства.

Далее Кант формулирует основные (дефинитивные) статьи договора, исполнение которых должно обеспечить достигнутый мир на долгие времена:

«Гражданское устройство в каждом государстве должно быть республиканским».

«Международное право должно быть основано на федерализме свободных государств».

«Право всемирного гражданства должно быть ограничено условиями всеобщего гостеприимства» [16].

К сожалению, автор настоящей работы не имеет возможности подробно комментировать содержание этих крайне интересных статей классика немецкой философии. Зафиксируем лишь самое главное.

Во-первых, по мнению Канта, мирное сосуществование государств в масштабах планеты (которое он считал возможным только в случае перехода человечества в «цивилизованное (т. е. правовое) состояние») может быть обеспечено лишь в случае утверждения в большинстве стран мира республиканской формы правления. И данная форма правления не подразумевает обязательного установления демократии, а может быть реализована и в монархических государствах, если монарх правит сообразно желанию народа. Для того чтобы это желание могло быть услышанным, в государстве необходима свобода слова.

Во-вторых, всеобщий мир может быть обеспечен только в условиях наличия международного права, на основе которого должно быть создано не мировое правительство, а федерация свободных государств, каждое из которых обладает национальным суверенитетом.

В-третьих, всемирное гражданство должно быть ограничено правом на гостеприимство в чужой стране. Комментируя право на

гостеприимство, Кант отмечает, что каждый человек должен иметь возможность посетить любой уголок земли и не подвергаться при этом нападениям и враждебным действиям.

Таким образом, трактат Канта в идейно-политическом отношении был шагом вперед по сравнению с его предшественниками. Ни Уильям Пенн, ни аббат де Сен-Пьер не ратовали за союз народов, обеспечивающий мир в планетарном масштабе. Свой союз Пенн ограничивал западноевропейскими державами, а де Сен-Пьер обосновывал необходимость создания европейского союза государств в виде конфедерации. В проекте И. Канта поставлена иная задача: установление мира на планете путем создания федерации всех народов Земли с сохранением национального суверенитета каждого государства.

Эта и другие идеи Просвещения намного опередили свое время. В 1799 г. закончился французский демократический эксперимент. Власть перешла к Наполеону Бонапарту, превратившему страну из колониальной в континентальную европейскую империю и развязавшему серию войн, которые унесли около 4,5 млн жизней и разорили многие страны Европы. Наступила эпоха национализма и национальных государств, которые беспрерывно воевали друг с другом в течение всего XIX столетия. Потребовались две Мировые войны, чтобы идеи, изложенные мыслителями XVIII в., были отчасти воплощены уже в XX в. После Первой мировой войны на Парижской мирной конференции 1919 г. по предложению Вудро Вильсона, сославшегося в том числе на просветителей, была создана Лига наций (1919–1946), а после Второй мировой — Организация объединенных наций, существующая до сего дня. Позже был сформирован и Европейский Союз, который в значительной мере оказался реинкарнацией проектов Уильяма Пенна и де Сен-Пьера [18]. У проекта Канта оказалась иная судьба. За исключением второй статьи и требования всеобщего гостеприимства, *ни одна из статей Договора «К вечному миру» так и не была реализована.* Государственные долги продолжают использоваться во внешней политике государств, подстегивая гонку вооружений, государства продолжают вмешиваться во внутренние дела друга, используя террористические методы, а постоянные армии даже незначительных государств растут, стремясь обзавестись ядерным оружием. Поэтому трактат Канта сегодня остается крайне актуальным. Его следует рассматривать как завещание великого философа современным политикам и государственным деятелям.

Последние, писал Кант в «секретной статье» своего Договора, *«должны принять во внимание максимы философов об условиях возможности общего мира».* Конечно, продолжал он, «нельзя ожидать, чтобы короли философствовали или философы стали королями; да этого и не следует желать, так как обладание властью неизбежно извращает свободное суждение разума. Но короли или самодержавные

(самоуправляющиеся по законам равенства) народы не должны допустить, чтобы исчез или умолк класс философов, а должны дать ему возможность выступать публично; это необходимо и тем, и другим для внесения ясности в их деятельность» [16]. Но именно ясности мышления, освещенной светом «чистого» и «практического разума», не хватает теперь тем публицистам и политикам, которые в угоду личным амбициям и «национальным интересам» готовы сжечь мир в костре ядерной катастрофы.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Сокулер З. Структура субъективности, рисунки на песке и волны времени. В кн.: Фуко М. *История безумия в классическую эпоху*. Санкт-Петербург, Университетская книга, Рудомино, 1997, с. 5–20.
- [2] Гранин Ю.Д. Интеллигенция как фактор национализма. *Журналист. Социальные коммуникации*, 2016, № 1–2, с. 3–21.
- [3] Глебов С., Могильнер М., Семенов А. Долгий XVIII век и становление модернизационной империи. Ч. 1. *Ab Imperio*, 2015, № 1, с. 321–336.
- [4] Хайлбронер Роберт Л. *Философы от мира сего. Великие экономические мыслители: их жизнь, эпоха и идеи*. Москва, Колибри, 2008, 432 с.
- [5] Фуко М. *История безумия в классическую эпоху*. Санкт-Петербург, Университетская книга, Рудомино, 1997, 576 с.
- [6] Момджян К.Х. К вопросу о конструировании социальной реальности. *Философский журнал / Philosophy Journal*, 2021, т. 14, № 4, с. 38–52.
- [7] Гидденс Э. *Последствия современности*. Москва, Праксис, 2011, 352 с.
- [8] Поланьи К. *Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени*. Санкт-Петербург, Алетейя, 2002, 320 с.
- [9] Фуко М. *Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы*. Москва, Ад Маргинем Пресс, 2015, 480 с.
- [10] Кара-Мурза А.А. История цивилизации в России: органическое развитие *versus* социальный конструктивизм. *Вопросы философии*, 2021, № 7, с. 17–26.
- [11] Соколов Е.С. Рождение современной войны. *Вопросы философии*, 2015, № 12. URL: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=1308 (дата обращения 01.12.2024).
- [12] Гуторович О.В., Машукова Е.Ю. *Этатизация войны и проекты вечного мира*. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/etatizatsiya-voyny-i-proekty-vechnogo-mira/viewer> (дата обращения 01.12.2024).
- [13] Сен-Пьер Ш.И. Избранные места из проекта вечного мира (в изложении Ж.-Ж. Руссо). В кн.: *Трактаты о вечном мире*. Москва, Соцэкгиз, 1963, с. 109–119.
- [14] Чубарьян А.О. *Европейская идея в истории. Проблемы войны и мира*. Москва, Международные отношения, 1987, 352 с.
- [15] Новиков Г.Н. *Теория международных отношений*. Иркутск, Изд-во Иркутского университета, 1996, 298 с.
- [16] Кант И. *К вечному миру*. URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Kant.K_vechnomu_miru.pdf (дата обращения 01.12.2024).
- [17] Краузе И. Кант и его время: трактат «К Вечному Миру» на фоне французской революции и последующих войн. *Кантовский сборник*, 2013, № 1, с. 33–45.

- [18] Как французский аббат XVIII века все еще управляет ЕС. *The Economist*. URL: https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.476fd441-67d02357-607a7992-74722d776562/https/www.economist.com/europe/2021/08/19/how-an-18th-century-french-abbot-still-sways-the-eu (дата обращения 01.12.2024).

Статья поступила в редакцию 28.02.2025

Ссылку на эту статью просим оформлять следующим образом:

Гранин Ю.Д. Новоевропейский рационализм и политическое завещание Иммануила Канта. *Гуманитарный вестник*, 2025, вып. 1. EDN MAMDXH

Гранин Юрий Дмитриевич — д-р филос. наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института философии РАН. e-mail: maily-granin@mail.ru

New European rationalism and the political testament of Immanuel Kant

© Yu.D. Granin

Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Moscow, 109240, Russia

The paper analyzes main philosophical, scientific and political ideas of the New Time and the Enlightenment, as well as the “Perpetual Peace” treatise by I. Kant. It examines in detail “An essay towards the present and future peace of Europe by the establishment of a European diet, parliament or estates” (1693) by William Penn, “Projet pour rendre la paix perpétuelle en Europe” by Charles-Iréné Castel, abbé de Saint-Pierre (1713–1717), ideas of Ch. Montesquieu and J.-J. Rousseau. The paper shows that in the ideological and political terms, the treatise by I. Kant was a step forward compared to the works of his predecessors. It notes that the projects of William Penn and de Saint-Pierre were largely implemented in the political practice of the second half of the 20th — early 21st centuries, while the Kant’s project had a different fate: none of the key articles of the “Perpetual Peace” treatise was implemented. The paper proves that today, in conditions of the escalating arms race and growth of the military conflicts, Kant’s treatise remains extremely relevant. The treatise should be considered as a political testament of the great philosopher to modern politicians and public officials.

Keywords: war, state, ideology, peace, enlightenment, reason, rationalism

REFERENCES

- [1] Sokuler Z. Struktura subyektivnosti, risunki na peske i volny vremeni [The structure of subjectivity, drawings in the sand and waves of time]. In: Fuko M. *Istoriya bezumiya v klassicheskuyu epokhu* [Foucault M. Folie et déraison. Histoire de la folie à l’âge classique]. St. Petersburg, Universitetskaya Kniga, Rudomino Publ., 1997, pp. 5–20.
- [2] Granin Yu.D. Intelligentsiya kak faktor natsionalizma [Intelligentsiya as a factor of nationalism]. *Zhurnal. Sotsialnye kommunikatsii — Journalist. Social Communications*, 2016, no. 1-2, pp. 3–21.
- [3] Glebov S., Mogilner M., Semenov A. Dolgiy XVIII vek i stanovlenie modernizatsionnoy imperii. Ch. I [The long 18th century and the rise of a modernizing empire. Part I]. *Ab Imperio*, 2015, no. 1, pp. 321–336.
- [4] Heilbroner R. *The Worldly Philosophers: The Lives, Times and Ideas of the Great Economic Thinkers*. Touchstone, 1999 [In Russ.: Khaylbroner R.L. *Filosofy ot mira sego. Velikie ekonomicheskie mysliteli: ikh zhizn, epokha i idei*. Moscow, Kolibri Publ., 2008, 432 p.].
- [5] Foucault M. *Folie et déraison. Histoire de la folie à l’âge classique*. Pantheon Books, 1961 [In Russ.: Fuko M. *Istoriya bezumiya v klassicheskuyu epokhu*. St. Petersburg, Universitetskaya Kniga, Rudomino Publ., 1997, 576 p.].
- [6] Momdzhyan K.H. K voprosu o konstruirovani sotsialnoy realnosti [On the question of constructing social reality]. *Filosofskiy zhurnal — Philosophy Journal*, 2021, vol. 14, no.4, pp. 38–52.
- [7] Giddens A. *The Consequences of Modernity*. Polity Press, 1990 [In Russ.: Giddens E. *Posledstviya sovremennosti*. Moscow, Praksis Publ., 2011, 352 p.].
- [8] Polanyi K. *Origins of our Time. The Great Transformation*. Farrar & Reinhart, 1944 [In Russ.: Polanyi K. *Velikaya transformatsiya: politicheskie i*

- ekonomicheskie istoki nashego vremeni. St. Petersburg, Aleteya Publ., 2002, 320 p.].
- [9] Foucault M. *Discipline and Punish: The Birth of the Prison*. Pantheon Books, 1977 [In Russ.: Fuko M. Nadzirat i nakazyvat. Rozhdenie tyurmy. Moscow, Ad Marginem Press Publ., 2015, 480 p.].
- [10] Kara-Murza A.A. Istoriya tsivilizatsii v Rossii: organicheskoe razvitie versus sotzialnyi konstruktivizm [History of civilization in Russia: organic development versus social constructivism]. *Voprosy filosofii — Problems of Philosophy*, 2021, no. 7, pp. 17–26.
- [11] Sokolov E.C. Rozhdenie sovremennoy voyny [The birth of a modern war]. *Voprosy filosofii — Problems of Philosophy*, 2015, no. 12. Available at: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=1308 (accessed December 1, 2024).
- [12] Gutorovich O.V., Mashukova E.Yu. *Etatizatsiya voyny i proekty vechnogo mira* [The etatization of the war and projects of eternal peace]. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/etatizatsiya-voyny-i-proekty-vechnogo-mira/viewer> (accessed December 1, 2024).
- [13] Charles-Irénée Castel, abbé de Saint-Pierre. Izbrannye mesta iz proekta vechnogo mira (v izlozhenii Zh.-Zh. Russo) [Selected passages from the project of eternal peace (as presented by J.-J. Rousseau)]. In: *Traktaty o vechnom mire* [Treatises on the Eternal Peace]. Moscow, Sotsekgiz Publ., 1963, pp. 109–119.
- [14] Chubaryan A. O. *Evropeyskaya ideya v istorii. Problemy voyny i mira* [European idea in history. Problems of war and peace]. Moscow, Mezhdunarodnye Otnosheniya Publ., 1987, 352 p.
- [15] Novikov G.N. *Teoriya mezhdunarodnykh otnosheniy* [Theory of international relations]. Irkutsk, Irkutsk University Publ., 1996, 298 p.
- [16] Kant I. *Perpetual Peace* [In Russ.: Kant I. K vechnomu miru]. Available at: http://www.civisbook.ru/files/File/Kant.K_vechnomu_miru.pdf (accessed December 1, 2024).
- [17] Krause J. Kant i ego vremya: traktat “K Vechnomu Miru” na fone frantsuzskoy revolyutsii i posleduyushchikh voyn [Kant and his time — the essay Toward Perpetual Peace against the background of the French Revolution and ensuing wars]. In: *Kantovskiy sbornik*, 2013, no. 1, pp. 33–45.
- [18] Kak frantsuzskiy abbat 18 veka vse eshche upravlyaet ES [How an 18th century French abbot still sways the EU]. *The Economist*. Available at: https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.c3fbd1f0-667c22bf-29cf6911-74722d776562/https/www.economist.com/europe/2021/08/19/how-an-18th-century-french-abbot-still-sways-the-eu (accessed December 1, 2024).

Granin Yu.D., Dr. Sc. (Philosophy), Professor, Leading Researcher, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. e-mail: maily-granin@mail.ru